

С.Д. Яхонтов. Воспоминания 1853—1942 гг.

Дневники и воспоминания историков прошлого неизменно вызывают повышенный интерес у современных исследователей. И это вполне естественно. Ведь история исторической науки не сводится к преемственности или диалектической смене концепций и подходов, к постепенному накоплению знаний и увлекательному обретению новых парадигм. За научными школами и институтами, за часто сухими академическими текстами стоит живой и нередко болезненный опыт надежд, разочарований, встреч и столкновений, диалога и разобщения их создателей, хранителей, критиков. Порою это прорывается в предельно жёстком и даже скандальном виде, достаточно вспомнить мемуары С.М. Соловьёва или А.А. Зимина. Между тем и Соловьёв, и Зимин работали в сравнительно спокойные и в целом благополучные для отечественной историографии времена. Что же говорить о тех, «кто посетил сей мир в его минуты роковые»? Чтение дневников Ю.В. Готье оставляет незабываемое впечатление. Но в них отражено лишь несколько лет преодоления «погибели» и боли.

Воспоминания, включающие и дневниковые записи, рязанского историка, педагога, краеведа и архивиста Степана Дмитриевича Яхонтова (1853—1942), изданные исследовательским коллективом под руководством доктора исторических наук профессора П.В. Акульшина, позволяют увидеть в развитии панораму последних 40—50 лет существования Российской империи и первых десятилетий советской России¹. Особый колорит им придаёт сочетание множества мельчайших бытовых деталей и личных характеристик с непрерывно нарастающим драматизмом описываемых событий — от патриархальной, но отнюдь не идиллической провинциальной жизни середины XIX в. до гонений 1930-х гг. и катастроф 1941 г. При этом действие происходит в основном не в столицах и не на окраинах (и тем, и другим посвящена обширная, в том числе и мемуарная, литература), а в самой что ни на есть коренной, глубинной России, во многом остающейся ещё не то загадкой, не то фигурой умолчания. Нельзя не отметить и то, что воспоминания эти принадлежат человеку, вышедшему из беднейшего слоя сельского духовенства, добившемуся видного положения в губернском обществе и полностью отдавшему себя России, Русской Церкви и русской науке, но никогда не идеализировавшему и не приукрашивавшему ни страну, ни народ, ни общественность, ни государственную или церковную иерархию. Он рассказывал о своей долгой и трудной жизни честно и резко. И тем интереснее этот рассказ читать и анализировать. В его обсуждении приняли участие доктора исторических наук Ф.А. Гайда, И.Н. Гребенкин, О.А. Милевский и А.К. Тихонов.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

¹ Яхонтов С.Д. Воспоминания / Под ред. П.В. Акульшина. Т. 1. 1853—1917. 928 с. Т. 2. 1917—1942. 800 с. М.; Рязань: АИРО-XXI, Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, 2017.

В огромном мемуарном наследии минувшего века особое место занимают воспоминания, охватывающие не просто несколько десятилетий, а длительные периоды, смены исторических эпох². Пережив их и связанные с ними «минуты роковые», испытав на себе различные социальные метаморфозы, наблюдательные мемуаристы оставляли порою яркие свидетельства, передавая свой уникальный опыт потомкам. К числу таких произведений, безусловно, относятся и обстоятельные записки представителя русской провинциальной интеллигенции, известного рязанского педагога, историка, краеведа С.Д. Яхонтова (1853—1942).

Родившись в семье сельского псаломщика, Степан Дмитриевич с детства приучил себя к упорному труду и самодисциплине. Патриархальные нравы семьи и образование, полученное в духовных учебных заведениях, сформировали у него глубоко религиозные и консервативные взгляды. Окончив Московскую духовную академию, он почти полвека отдал преподаванию истории, музейному и архивному делу в Рязани. Ученик В.О. Ключевского и Е.Е. Голубинского, Яхонтов и в собственной жизни старался уловить нечто исторически значимое — непрерывно вёл дневник, фиксировал свои впечатления, вызванные как повседневными бытовыми мелочами, так и крупными общественно-политическими событиями, хранил множество бумаг, отражавших всё, с чем ему приходилось соприкасаться. Впоследствии он включил в текст воспоминаний значительные фрагменты дневниковых записей и многочисленные документы, связанные с его научной и преподавательской деятельностью и частной жизнью, а также письма, фотографии, вырезки из газет и т.п. Как профессиональный историк Яхонтов понимал масштаб и значение этого труда и то, «какой бесценный архив мой должен был остаться в потомство» (II, с. 677).

За долгие годы Яхонтов повидал несколько эпох, принял участие в бессчётном количестве дел и событий. Будучи ещё молодым преподавателем духовной семинарии в Екатеринославе, он испытал сильное душевное потрясение при известии о трагической гибели Александра II. «Но вокруг, в городе — незаметно было большого горя, — с недоумением и разочарованием отмечал мемуарист, — и тут-то я почувствовал, что атмосфера здесь другая, нежели какой я был заряжен» (I, с. 348). Подобные настроения и сама обстановка быстро растущего промышленного центра Новороссии мало импонировали натуре Яхонтова. Это способствовало скорому возвращению в Рязань, где наиболее плодотворно раскрылся его творческий потенциал, благополучно сложилась семейная жизнь. Однако и тут он с сожалением и возмущением наблюдал за переменами в нравах и поведении горожан. «Дорогой, святой праздник! — восклицал Степан Дмитриевич в дни Пасхи 1896 г. — Что с тобою сделала даже Рязань! Что же творится в столицах!» (I, с. 519).

² *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. В 2 т. М., 1955; *Врангель Н.Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков / Публ. А. Зейде. М., 2003. См. также воспоминания Б.А. Энгельгардта «Потонувший мир. Контрреволюция»: ОР РГБ, ф. 218, к. 305, 306, 384.

На склоне лет Яхонтов напишет: «Я всё-таки жил и общегосударственной жизнью, а она со вступлением [на престол] Николая II не обещала хорошего». Кончина Александра III его глубоко огорчила как «общерусское горе», а доходившие до провинции слухи смущали: «В наследника не верует никто. Не находят в нём признаков хорошего царя... Наследник будто не хочет жениться, потому что есть танцовщица полька. Об Алисе говорят: “Чистая немка”. Народ зовёт её “Гессенской мухой”. Характерно... Царевича заберёт в руки эта “муха”» (I, с. 516—517). В восприятии рязанского педагога поражение в войне с Японией тесно переплелось с Первой русской революцией, когда «бунтовские приёмы уже проявлялись... Тыл изменял в лице своих поставщиков продовольствия, железнодорожники изменяли, доктора изменяли, сёстры милосердия разлагали тыл; офицеры изменяли, запасные — саботажники и сдававшиеся охотно в плен. В тылу и всюду проникали пропагандисты политической забастовки: “Чем хуже, тем лучше”, — вопили в тылу» (I, с. 569—570). К изменению государственного строя Яхонтов отнёсся скептически. Тяготая к «Союзу 17 октября» и будучи известным и уважаемым в городе человеком, он отказался выдвигать свою кандидатуру в I Думу, а в дальнейшем дистанцировался от политических партий.

Начало Первой мировой войны Яхонтов встретил настороженно. «А глупая Рязань орёт: “Ура!”, — ворчал он в дневнике, реагируя на взрыв наивного патриотизма городских обывателей, веривших в мощь русского оружия и скорую победу над врагом. — Мальчишки хулиганят, и это патриотической манифестацией называется! Богу молиться надо пред таким испытанием. Как можно всё опошлить! Великое чувство обратили в забаву! Повторяется одно и то же. Музыка в садах, фейерверки, маскарады и разные гулянья. Глупо и пошло, Рязань!» (I, с. 611).

Россия потеряла в той войне около 4 млн человек. Среди них оказался и третий сын Степана Дмитриевича — призванный из запаса прапорщик Мстислав Яхонтов, погибший в начале 1915 г. на р. Бзуре. Отец отправился на фронт за его телом, и описание данной поездки — одно из самых пронзительных мест в мемуарах. Личная трагедия отца соединилась с изумлением и глубоким разочарованием очевидца, перед которым открылась безобразная изнанка войны. «В дальнейшем, — отмечал он, — всё подтверждало мою мысль: не победить нам с такой армией. Гнетущее настроение это не покидало меня во всё время» (I, с. 905).

К 1917 г. Яхонтов занимал видное положение среди представителей губернской элиты. Статский советник, награждённый пятью орденами, начальник Мариинской женской гимназии, председатель Рязанской учёной архивной комиссии, гласный городской думы уже подумывал о заслуженной пенсии. Революционный взрыв не просто разрушил эти планы, но изменил сам уклад жизни: отменены чины и обесценились прежние заслуги, упразднена учёная архивная комиссия, реформирована гимназия, разграблено крестьянами небольшое имение в родном селе Ухорь. Яхонтов и люди его круга видели в революции торжество «взбунтовавшегося хама», стихию разрушения и бессмысленного насилия, с которой невозможно примириться. Сдержанное, но бескомпромиссное описание окружающей действительности во всех её безобразных проявлениях становится с этого времени важнейшим мотивом в воспоминаниях и дневниках Степана Дмитриевича.

Вместе с тем Яхонтов сохранил верность своей профессии и не отказался от сотрудничества с новой властью в деле сохранения исторических и культурных памятников, став при большевиках главным организатором музейного и архивного дела в губернии. Он не скрывал, что «этика не позволяла обращаться к врагу-насилънику», но, как и многим другим старым специалистам тех лет, ему приходилось «идти на услуги обидчику... ради того, что музей будет сохранён, если я займусь им, иначе вещи все растащат» (II, с. 72). С 1918 по 1927 г. он работал заведующим Губернским архивным бюро. Под его руководством в Рязанской губ. была создана сеть архивных учреждений, что позволило сохранить от гибели огромное количество документов дореволюционной эпохи. При этом, по словам Яхонтова, «губархивом сделано было, чтобы архивы были выданы обществу и служили науке» (II, с. 172).

Однако после десяти лет плодотворной работы в архиве и музее Яхонтова обвинили в профессиональной некомпетентности, воровстве экспонатов и религиозной пропаганде. В конце 1929 г. его арестовали, и он несколько месяцев провёл в тюрьме под следствием. Оправданный судом, Степан Дмитриевич вышел на свободу, но уже не смог вернуться к работе, проведя последние годы жизни в забвении и нужде, которая переходила порой в борьбу за существование. Особенно удручало его закрытие и разрушение храмов, преследование священников. На страницах дневника он не скрывал своего неприятия современности, видя вокруг картину всеобщего уныния и запустения. Отчасти этому способствовал глубоко провинциальный облик Рязани: «Нынешняя, скорее, захолустный уездный город или большое село — деревня» (II, с. 699). Действительно, областной центр обошла стороной даже индустриализация 1930-х гг.

Весной 1936 г. Яхонтов последний раз побывал в Москве, но происходившие там перемены могли лишь огорчать любителя старины: «Москва перестраивается. Все тротуары и площади асфальтированы. Домов много сломали ради света и простора. В центре трудно узнать. Исчезла старая Москва, но исчезла и физиономия её. Дома громадные в одиннадцать—двадцать этажей торчат, как кочки, рядом с двух-трёхэтажными, а то и ниже. Нет нигде линии ни правильно ломаной, ни ровной. Страшное впечатление — кто-то вскопал и не пригладил. Может быть, лет через двадцать выровняется всё. Красивые и полезные места уничтожены: напр[имер], уничтожен на Театральной сквер, всегда, бывало, набитый детишками... На башнях кремля, как [на] корове седло, уселись золочёные пятик[онечные] звёзды с серпами и молотами вместо гербов. Лишь часы на Спасской башне ещё напоминают о чём-то... Но авто и трамваи — сущее зло. На обширной площади вы не застрахованы, что не будете раздавлены. Несутся, как сумасшедшие, и делают пешеходов такими же. Идти, думать, благодумствовать, гулять невозможно, а только можно перебегать, вертя головой во все стороны. Отсюда нервность, отвратительное настроение... Исчез человек! Кто в автомобиле, те и хороши... Москвы издали не видать. Храмов очень мало осталось, и физиономия её изменилась. Получается плоское бабье лицо. Недаром кухарка начинает управлять. Потянуло меня из Москвы!». Только метро заслужило скупую похвалу: «Богато, хорошо устроено, но без нужды роскошно. Полезное учреждение. Даже место прогулки» (II, с. 727—728).

Разразившуюся войну Яхонтов воспринимал мистически, как воздаяние за грехи и пороки современного мира. Полагая летом 1940 г., что «Франция и Англия накануне гибели», он утверждал: «И законно это возмездие за то, что обе эти страны были гнездом нечестия, приютом революционного воспитания...

Вот небо и вооружило грозного мстителя в лице Германии. А кто же будет мстителем бывшей России?! А будет!!!» (II, с. 758). Но к началу 1941 г. у него не осталось сомнений и в том, что «Германия совсем озверела» (II, с. 761).

Ещё ранее, в конце сентября 1939 г., Степан Дмитриевич констатировал, что «произошёл новый — это уже четвёртый раздел Польши». Но его отношение к случившемуся было по меньшей мере противоречивым. Он был доволен тем, что Польша «сходит с исторической карты» (хотя и с сочувствием отзывался о поляках, «которые дали миру столько гениев»). По его словам, «надо бы радоваться, что замученная историческими насилиями огромная часть р[усского] народа будет воссоединена опять с Русью». Но он осознавал, что на присоединённые территории «идёт рабство хуже монгольского», и сомневался, «сохранится ли р[усская] народность в том виде, как мы её знали доселе, т.е. с её обычаями и главное — верностью дедовской вере». «Я прихожу в ужас от предстоящего, — писал Яхонтов, — когда будут ломать народную жизнь; разрушать храмы; веру православную, как и у нас». Да и то, что «русское войско нахлынуло, как стервятник на падаль», ему явно не импонировало (II, с. 745).

Нападение Германии на СССР, по существу, не изменило настроения Яхонтова. Осенью 1941 г. его одолевали мрачные предчувствия «разрушения рус[ского] гос[ударства]», ему оставалось лишь размышлять о том, «почему мы не можем победить», и ожидать приближавшейся смерти (II, с. 764—766). Он уже «приготовился оставить всё» и удивлялся рассказам о том, будто «в городе есть слух, что я выслан из Рязани. Смешали с сыном. Куда? Меня только в могилу можно сослать, чтоб не мешался. Да и за что? Я не родинолубец. Завтра попробую пригласить священника — принять Св[ятых] Т[айн]. Вот только, что мне нужно» (II, с. 770). И всё же под бомбёжками в прифронтовой Рязани больной и беспомощный старик не прекращал делать записи в дневнике. Теперь уже ему казалось, что «самое дорогое для будущего ценное — это мои автобиографические записи» (II, с. 771, 773). Эту мысль мемуарист не уставал повторять в последние свои дни.

Воспоминания С.Д. Яхонтова, охватывающие почти восемь десятилетий, дают серьёзный повод для размышлений о судьбах его современников, поднимавшихся в пореформенные десятилетия на волне радикальных перемен, охвативших русское общество, но не всегда сочувствовавших тому, что называют сегодня модернизацией, переживших великий революционный переворот, сокрушивший старую Россию, и оказавшихся в печальном положении «бывших» людей. Понять смысл происходивших процессов и найти своё место в быстро менявшемся мире было невероятно трудно. Об этом свидетельствуют и грандиозные мемуары Степана Дмитриевича, на страницах которых строгий историк спорит с пристрастным очевидцем.

Андрей Тихонов: Трудная судьба «маленького человека»

Andrey Tikhonov (Vladimir State University, Russia): The difficult fate of the «little man»

DOI: 10.31857/S086956870016623-6

Краеведение составляет важную часть исторического знания, позволяющую наиболее точно восстановить картину происходившего в разных местах, установить существенные детали событий общероссийского и даже мирового значения. Каждый регион России имеет своих хранителей и исследователей древности. Но Рязанской земле особенно повезло. Под редакцией профессора